

УДК 351 713

**В.С.Околотин****РЕАЛИЗАЦИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ  
(НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ 1937 ГОДА)***Ивановский государственный университет*

The article is prepared on the materials of archive-investigatory cases of department of FSB of the Russian Federation on the Ivanovo area. Except for the facts of falsification about an accessory of arrested people to the various counterrevolutionary organizations archive-investigatory cases contain a lot of authentic data on costs in the state managing of that time, including costs at realization of a tax policy.

Архивно-следственные дела 1937 г. являются не только ценным историческим источником для оценки сталинских репрессий на территории области, но и содержат уникальную информацию о советском государственном хозяйствовании того времени в регионе. Кроме значительного количества фальсифицированных данных в них содержится и так называемый «сухой остаток» информации о событиях, которые вменялись в вину арестованным и действительно имели место, хотя и не являлись следствием их сознательного вредительства. Более того, вряд ли стоит относить к фантазиям оперативных и следственных работников УНКВД по Ивановской области некоторые умозаключе-

чения ответственных работников области, арестованных по так называемому «делу правых», о причинах неудач в промышленности, сельском хозяйстве, формировании доходной части местного бюджета. Значительное большинство таких «антисоветских», «контрреволюционных» и других умозаключений, зафиксированных в протоколах допросов, сотрудники УНКВД в период массовых репрессий просто не могли, а за недостатком времени и не успели бы выдумать. С полной уверенностью можно утверждать, что они являются частью существовавшего в тот период общественного мнения, образа мыслей, который уже на этапе следствия трансформировался в образ действий.

Несомненно, заслуга в создании такого образа действий принадлежала сотрудникам УНКВД, которые по определенной технологии занимались составлением «признательных» документов, а также получением подписей арестованных под уже готовыми протоколами допросов. Для этого использовался широкий спектр методов, не вмещавшийся в рамки даже «революционной законности». Характер и содержание протокола допроса в подавляющем большинстве случаев зависели от роли, которая отводилась тому или иному обвиняемому. Именно этим и объяснялось стремление УНКВД вскрыть в аппарате управления, промышленности и сельском хозяйстве области как можно большее количество «диверсионно-вредительских», «контрреволюционных террористическо-вредительских» и иных организаций, свидетельствовавших бы о наличии на ее территории организованного подполья, подчиненного союзному центру. Подтверждением тому служит выдержка из допроса от 28.05.1939 г. бывшего начальника УНКВД А.П.Радзивиловского, свидетельствующая о получении им в июле 1937 г. ряда установок от наркома НКВД Н.И.Ежова.

«Ежов заявил мне, что направляет меня в Иваново всего на шесть месяцев, но ставит передо мной задачу развернуть там работу так, чтобы в кратчайший срок можно было доказать в ЦК, что в Ивановской области советской власти не было и только вмешательство НКВД ее там восстановит.

На мой вопрос, что мне следует предпринять для этого в Иванове, Ежов мне предложил начать широко аресты руководящих областных и районных партийно-советских работников, дабы показать, что Ивановская область оплот правых...

Кроме того, Ежов предложил широко развернуть операцию в текстильной промышленности, дабы доказать наличие в ней большой сети шпионско-диверсионных ячеек, прибегая для этого к арестам директоров и технического инженерного персонала, даже в том случае, если в начале операции прямых данных для этого не будет...» [1].

О том, как выполнялись Радзивиловским данные установки, свидетельствуют две докладные записки, адресованные им наркому НКВД СССР генеральному комиссару государственной безопасности Н.И.Ежову в сентябре и октябре 1937 г. и имевшие до апреля 1999 г. гриф «совершенно секретно». В них содержится отчет о ликвидации сотрудниками УНКВД «диверсионно-вредительской контрреволюционной организации» в текстильной промышленности и «контрреволюционной террористическо-вредительской организации правых» в Ивановской области. Как следовало из записки от 19 сентября, в результате произведенных арестов на целом ряде комбинатов и текстильных фабрик, «следствием точно установлено, что в текстильной промышленности Ивановской области существовала разветвленная сеть контрреволюционных вредительских организаций и подрывных диверсионных групп, в своей практической работе связанных и переплетававшихся друг с другом». И далее «за полуторамесячный период времени нами вскрыто и ликвидировано семь контрреволюционных организаций и 25 групп, проводивших

подрывную работу в текстильной промышленности. По этим делам нами арестовано 180 участников диверсионно-вредительских групп».

В числе арестованных по указанным делам значились 18 директоров текстильных предприятий, 3 бывших начальника главных управлений наркомата легкой промышленности, 5 профессоров и доцентов, 62 инженера, 45 мастеров и 47 человек из числа рабочих и служащих. Из показаний арестованных следовало, что «подрывная» и «диверсионная» работа проводилась ими по целому ряду направлений. В частности, по срыву обеспечения текстильных предприятий оборудованием, запасными частями и вспомогательными материалами, что приводило к крайнему износу имевшегося оборудования и неизбежно давало низкую производительность, а также по умышленному неиспользованию и омертвлению средств, отпускавшихся правительством для текстильной промышленности. Одновременно ими якобы была «умышленно» и «чрезвычайно» запутана система заработной платы, построенная таким образом, чтобы парализовать стимул к выполнению и перевыполнению рабочими и служащими производственных планов. Работа «вредителей» в текстильной промышленности на фоне «умышленного» срыва планов жилищно-бытового строительства, перебоев в торговле и снабжении «должна была приводить к систематическим недовольствам трудящихся, отражаться на их производственной работе и в конечном итоге вызвать провокационным путем выступление против партии и советской власти» [2].

В другой записке от 5 октября 1937 г. Радзивиловский докладывал Ежову о ликвидации в основном «широко разветвленной контрреволюционной террористическо-вредительской организации правых, действовавшей подпольно на территории Ивановской области на протяжении ряда лет». Основными задачами контрреволюционной организации правых в Иванове, как утверждалось в записке, были «общеизвестные установки на вооруженное восстание против Советской власти, террор в отношении руководителей ВКП(б) и Советского правительства, вредительство во всех отраслях народного хозяйства и культуры».

Для достижения этих задач «организация правых осуществляла подрывную работу во всех областях народного хозяйства области и добивалась:

а) развала колхозов и восстановления кулацких и индивидуальных крестьянских хозяйств;

б) дезорганизации работы промышленности, срыва выполнения производственных программ, роста брака, срыва стахановского движения и искусственного снижения заработной платы рабочих;

в) создания трудностей и перебоев в торговле и срыва снабжения трудящихся продуктами и товарами первой необходимости, главным образом в рабочих районах и центрах» [3].

Один из разделов этой справки посвящен «вредительству в области финансовой и налоговой политики». Он основан на «признательных» показаниях ряда руководителей области, в том числе председателя облисполкома С.П.Аггеева, его заместителя В.Ф.Королева, начальника финансового отдела

П.И.Тройникова. Так, из протокола допроса С.П.Аггеева следовало, что «основное направление вредительства в финансовом хозяйстве заключалось в создании искусственного перенапряжения в местном бюджете и перегибов при взыскании налогов с населения».

В протоколе допроса В.Ф.Королева содержится признание: «нами умышленно извращалось законодательство в области налоговой политики; для того, чтобы восстановить крестьянство против партии и поднять его на восстание». Для этого на места «давались установки о немедленной продаже имущества недоимщиков, вместо того, чтобы дать десятидневный срок после описи, для погашения задолженности, как это предусматривалось законом...». Наряду с искажением налогового законодательства в «деятельности Тройникова с санкции Аггеева и меня (В.Ф.Королева) имели место массовые случаи переобложения рабочих подоходным налогом и сельхозналогом крестьян, путем искусственного завышения доходности».

Далее в протоколе говорилось, что «Аггеевым, Тройниковым и мною, Королевым, была организована продажа всего имущества у 43 крестьян дер. Александрово Николо-Макарьевского сельсовета Макарьевского района, и в результате этого эти крестьяне восстали и сожгли у сельских активистов пять стогов сена. Аналогичные случаи имели место в Кадыйском, Юрьевоцком и других районах. Имущество описывалось ночью, снимали людей с кровати, описывали вещи, не имеющие никакой ценности (кружки, половики, кухонную посуду и т.п.); коров и другой скот продавали за бесценок».

Показания В.Ф.Королева подтвердил П.И.Тройников, утверждавший, что «изъятие имущества проводилось в крайне грубой форме. Изъят скот и вещи домашнего обихода, не подлежащие по закону изъятию... Аналогичные формы имели место в 2-х сельсоветах Юрьевоцкого, двух сельсоветах Кадыйского, Курловского и Собинского районов... Все это привело к открытому возмущению населения политикой партии и советской власти».

В результате предпринятых мер по взысканию недоимки в одном только Кадыйском районе у 450 хозяйств, облагаемых налогом, в 1936 г. было проведено 490 описей (некоторые хозяйства описывались два раза), имущество было изъято у 350 хозяйств. В 1937 г. в этом же районе было описано 193 хозяйства, а имущество изъято в 94-х. Обложение неземледельческих доходов вместо установленных 70% начислялось в 90% [4].

Казалось бы, картина абсолютно ясная, и характер «вредительства» налицо. Однако в тех же протоколах допросов имеют место вполне обоснованные пояснения причин, побудивших означенных руководителей к принятию экстренных мер в отношении налогоплательщиков.

Этим событиям предшествовало следующее. Недовыполнение плана накоплений во второй половине 1936 г. создало чрезвычайно напряженное положение с выполнением доходной части местного бюджета. Диспропорции между доходной и расход-

ной частями бюджета отражались на материальных интересах значительной части населения области. В дальнейшем это привело к тому, что в первом полугодии 1937 г. промышленность области была профинансирована только на 38-40%. В итоге средства были распылены между различными предприятиями, что не позволило получить необходимого эффекта от направленных в промышленность капиталовложений.

В стремлении исправить существующее положение с доходной частью бюджета «Аггеев и я (В.Ф.Королев) на места давали телеграммы (6 или 7) о принятии чрезвычайных мер к недоимщикам». Об этих мерах говорит в своих показаниях и П.И.Тройников. В телеграммах «предлагалось применить к неплательщикам налогов единоличникам самые решительные меры принудительного взыскания, ориентировкой взыскать недоимку в более короткие сроки, чем это установлено законом». Более того, «изъятие имущества в Николо-Макарьевском сельсовете Макарьевского района было проведено под непосредственным руководством Королева, который, находясь в Макарьевском районе и выступая на заседании бюро райкома партии, дал прямую вредительскую установку руководителю бригады, бывшему заведующему райфо на изъятие имущества. Такая же установка была дана заведующим райфо Курловского и Кадыйского районов».

В связи с изложенным возникает вопрос: чем же объясняются причины провалов в промышленности, сельском хозяйстве, формировании доходной части бюджета? Согласно признанию В.Ф.Королева, «трудности в финработе, в особенности с выполнением финплана на селе, рассматривались и трактовались нами как результат неверной политики руководства ВКП(б) в вопросах индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Исходя из этих взглядов, я обвинял руководство ВКП(б) и считал его повинным в том, что оно сплошной коллективизацией и усилением налогового пресса на единоличный сектор ведет сельское хозяйство к краху и крестьянство к окончательному обнищанию. Взятое направление в индустриализации страны также считалось неверным, особенно в вопросах развития тяжелой промышленности за счет легкой промышленности как вызывающее промтоварные затруднения в стране». По утверждению В.Ф.Королева, такого же мнения придерживался и С.П.Аггеев. По его словам, «деревня в связи с коллективизацией настроена против Сталина, руководство которого ведет страну к гибели» [5].

С полной уверенностью можно утверждать, что умозаключения означенных руководителей — не плод домыслов оперативных работников, а образ общественной мысли того времени, сформировавшийся на почве реальных событий. Подтверждением тому служит один из выводов, сформулированный сотрудниками НКВД в справке наркому Н.И.Ежову от 5 октября 1937 г. В частности, «на протяжении последних 3 лет сельское хозяйство области не росло и улучшалось, наоборот, уменьшалась оплата трудодней колхозников, росли выходы из колхозов, увеличилось количество бескоровных хозяйств колхозников, снизилось количество конского поголовья».

Тем не менее виновными были объявлены не только руководители области, но и руководители отдельных районов. Так, в Кадыйском районе было арестовано 8 человек — «участников контрреволюционной организации правых, и проведен открытый процесс при большом скоплении трудящихся района и при массовом одобрении суда над вредителями», в Семеновском районе арестовано 6 человек, в Наволокском — 7 человек и в Середском — 5 человек. Всего же в Иванове и области с конца июля по октябрь 1937 г. УНКВД было арестовано 157 участников «контрреволюционной организации правых» [5].

Следствие по делам С.П.Аггеева, В.Ф.Королева и П.И.Тройникова было закончено в ноябре 1937 г. и передано для рассмотрения в Военную коллегия Верховного суда Союза ССР. На ее заседании от 22 ноября 1937 г. С.П.Аггеев, В.Ф.Королев и П.И.Тройников были приговорены к высшей мере наказания и 23 ноября расстреляны. На заседании ВК ВС СССР С.П.Аггеев полностью отказался от «признательных» показаний, заявив, что они были даны в результате оказания на него физического воздействия со стороны органов следствия. В 1956 г. С.П.Аггеев, В.Ф.Королев и П.И.Тройников, как и другие члены сфабрикованных сотрудниками НКВД «диверсионно-вредительских, контрреволюционных террористическо-вредительских» и иных организаций, той же ВК ВС СССР были реабилитированы.

Судьба лиц, готовивших аналитические справки о ликвидации контрреволюционных организаций в Ивановской области и осуществлявших массовые репрессии, в частности начальника УНКВД А.П.Рад-

зивиловского и начальников отделов П.Я.Ряднова и В.И.Юревича, довольно поучительна. Все трое в 1938-1939 гг. были арестованы, так же, как и их жертвы, обвинены в создании контрреволюционных организаций, но только уже в органах НКВД, и приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу с лишением воинских званий и всего принадлежащего им имущества. В 1956 г. с указанных лиц была снята часть обвинений, но политическая реабилитация на них не распространялась.

В заключение позволим себе ряд выводов. Конечно, говорить о соблюдении норм уголовно-процессуального права тех лет можно только в рамках формальной логики. Здесь необходим особый подход. Слишком очевиден тот клубок лжи, клеветы и насилия, который создавали работники НКВД в эпоху массовых репрессий. В то же время в архивно-следственных делах содержатся сведения о событиях, действительно имевших место. В результате при работе с ними возникает реальная возможность получения вполне достоверной информации о причинах провалов в различных отраслях народного хозяйства, возникавших в ходе «созидательной» деятельности советского государства, в том числе и в процессе реализации им налоговой политики.

1. Архив Управления ФСБ РФ по Ивановской области. Д.3196-П. Л.184.
2. Там же. Ф-11. Группа 3. Оп.3. Порядк.3. Л.1-16.
3. Там же. Ф-11. Группа 3. Оп.5. Порядк.5. Л.1-40.
4. Там же. Л.38-40.
5. Там же. Д.3196-П. Л.70.